

РУБЕН САФРАСТЯН

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ АРМЯНО—ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Армяно—турецким межгосударственным отношениям конца XX — начала XXI веков “не повезло” дважды: как факту действительности, так и объекту исследования. Поясним нашу мысль.

В реальной жизни они хоть и существуют: два соседних государства “признают” существование друг—друга, время от времени присходят контакты между официальными представителями различных уровней, включая президентов и министров иностранных дел и ведутся переговоры, однако до сих пор они не получили своего легального оформления с точки зрения международного права — дипломатические отношения не установлены; то есть строго говоря, в системе современных международных двусторонних отношений они как бы не существуют. К тому же, одна из сторон — Турция — в одностороннем порядке осуществляет фактическую экономическую блокаду, а также ввела специальный визовый режим в отношении Армении, который она то ужесточает, то вводит определенные послабления в зависимости от... результатов обсуждения проблемы геноцида армян в парламентах третьих государств.

Не лучше обстоит дело и с исследованием проблем армяно—турецких отношений. Фактически отсутствуют работы, в которых они анализировались бы с применением понятийного аппарата, используемого в современной науке о международных отношениях. К сожалению, отсутствует также сколь—нибудь полное фактологическое исследование истории армяно—турецких межгосударственных отношений, даже их отдельные периоды не получили адекватного отображения в специальной литературе с точки зрения “голой” фактографии, не говоря уже о монографии, в котором проявился бы комплексный подход. Авторы существующих работ решают в своем большинстве прежде всего задачу оправдания кое—каких узкона-

циональных или узкопартийных подходов к этой сложной и многослойной проблеме. Получила также распространение практика их рассмотрения только в контексте изучения Карабахского конфликта. В результате, предлагаемые в специальной литературе интерпретации армяно-турецких отношений являются в целом односторонними и поверхностными.

Между тем, даже из краткого описания в начале статьи состояния армяно-турецких межгосударственных отношений становится очевидной их безусловная "ценность" в качестве объекта исследования в рамках подхода "case-study" — с целью их дальнейшей генерализации и включения в каталог конкретных случаев, которыми оперирует современная теория международных отношений. Отметим две ее области, для которых, по нашему мнению, история отношений между Арменией и Турцией последнего десятилетия представляет несомненный интерес.

Это прежде всего такая новая, на наших глазах формирующаяся область, как изучение методов и способов осуществления "неконвенциональной дипломатии" или, выражаясь более конкретно, исследование двусторонних отношений между государствами в условиях отсутствия дипломатических отношений. Казалось бы, армяно-турецкие отношения могли бы послужить одним из основных "случаев" (case), используемых для теоретических обобщений. Однако исследователями опыт армяно-турецких отношений в целом игнорируется. Характерным является следующий пример: в новаторской по своей сути в этой области работе профессора Лейкастерского университета Г. Р. Бэрриджа "Разговаривая с врагом", положившей начало специальным исследованиям в этой области, отсутствует обращение к опыту армяно-турецких отношений, хотя и автор в числе других случаев использования присутствия на официальной церемонии похорон видного государственного деятеля для осуществления контактов между руководителями государств, не имеющих дипломатических отношений, упоминает визит президента Армении Л. Тер-Петросяна в Анкару по случаю похорон президента Турции Т. Озала¹. Между тем, рассмотрение особенностей армяно-турецких отношений позволило бы автору не только расширить, пользуясь терминологией самого Бэрриджа, список "ключевых методов коммуникации", используемых сторонами, но и "рассмотреть более пристально формальные и сущностные обстоятельства, которые делают необходимым обращение к ним"².

Так, вся концепция и структура книги английского ученого основываются на допущении, что государства могут не иметь дипломатических отношений или в результате не признания друг друга, или

в результате разрыва дипломатических отношений³. Тем самым им устанавливается прямая зависимость между признанием нового государства и установлением дипломатических отношений. "Во всяком случае, — пишет Бэрридж, если в признании нового государства или нового правительства отказано по какой-либо причине, дипломатические отношения, конечно, не могут быть установлены; точно также, если признание взято обратно, то дипломатические отношения, если они существовали, должны быть приостановлены"⁴. В результате, он фактически исключает из своего рассмотрения такой случай, как отказ от установления дипломатических отношений при официальном признании нового государства — то есть тот "операционный код"⁵, который выработало руководство Турции в отношении Армении еще в 1991 году и который оно сохраняет до сих пор. Тем самым, поле анализа автора сужается до рассмотрения только двух случаев: непризнания государства и разрыва дипломатических отношений.

Между тем, отмеченный нами выше случай имеет ряд принципиальных отличий от оказавшихся в центре внимания Бэрриджа. В частности, избравшее такую политику государство получает не только значительное стратегическое преимущество перед "новым государством", ставя установление дипломатических отношений в зависимость от выполнения неких предварительных условий, но и официально признавая существование этого "нового государства" оставляет за собой возможность установления с ним и поддержания "неконвенциональных контактов" на самых различных уровнях, включая высший, используя их в конечном итоге с целью оказания давления на него. В случае непризнания "нового государства" каналы "неконвенциональных контактов" были бы в значительной степени перекрыты, что уменьшило бы возможности для дипломатического маневрирования, а в конечном счете — для оказания давления на него.

С другой стороны, официально признанное "новое государство", с которым не установили дипломатические отношения, оказывается в затруднительном положении, кстати, более затруднительном, чем если бы сначала дипломатические отношения были бы установлены, а лишь затем в одностороннем порядке разорваны. Испытывая вполне понятный недостаток в опытных дипломатах такое государство лишается также возможности сбора информации посредством посольства и консульств, а также возможностей их посредством установления контактов с представителями различных слоев общества. Все это приводит к тому, что в случае поддержания "неконвенциональных дипломатических отношений" оно вынуждено

действовать как бы “вслепую”, что еще более ослабляет его позиции в диспуте с противной стороной, которое, обычно, представлено более сильным и уже состоявшимся государством.

Прочерченная выше лишь пунктирно парадигма отношений была выведена нами на основе обобщения опыта отношений между Турцией и Арменией. Она не имеет аналогов в современной практике дипломатических отношений. Своеобразие армяно—турецких отношений станет более наглядным после краткого обзора рассматриваемых в научной литературе случаев отсутствия межгосударственных отношений.

Государства в наши дни в отношении друг друга применяют главным образом или политику непризнания, или политику разрыва (заморозжения) дипломатических отношений. “Классическими” случаями непризнанных государств в годы “холодной войны” были разделенные государства: Германия, Вьетнам, Корея. До сих пор большинство арабских государств не признают существование государства Израиль. В последние десятилетия получил распространение модифицированный вариант непризнания — непризнание не государства, как такового, а правящего режима (правительства). Особенно часто такую политику применяли Соединенные Штаты, а также под их давлением — их союзники. Так, США многие годы не признавали коммунистический режим Пекина в качестве законного правительства Китая.

Вместе с тем, как показывает обращение к практике международных отношений, значительно большее распространение в новейший период времени получил разрыв дипломатических отношений при одновременном сохранении “признания” данного государства или даже политического режима. Согласно традиции, кодифицированной Венским конгрессом 1815 года, разрыв дипломатических отношений воспринимался как символический акт признания невозможным разрешения конфликтной ситуации между государствами мирными средствами и скорого начала военных действий. Вся история периода “классической европейской дипломатии” позапрошлого века полна примерами подобного рода. И в наши дни время от времени акция разрыва или замораживания дипломатических применяется в непосредственной связи с началом военных действий, как, например, поступила Великобритания в отношении Аргентины в период Фолклендской войны. Однако в современный период или в эру “новой дипломатии”⁶ разрыв дипломатических отношений служит чаще всего актом, символизирующим недовольство политикой данного государства и направлен на его изоляцию на международной арене, особенно, если он применяется сильным государством в от-

ношении более слабого, или же преследует пропагандистские цели; причем, а реальной дипломатической практике обе эти цели зачастую совмещаются. Приведем в качестве примера разрыв Соединенными Штатами дипломатических отношений с правительством Кастро на Кубе, которое, тем не менее, не сопровождалось отказом не только от признания кубинского государства, но даже от признания режима Кастро⁷. Подобный подход США был обусловлен, на наш взгляд, их стремлением оставить дверь открытой для последующих “неконвенциональных” контактов с представителями коммунистического правительства Кубы с целью попытаться добиться благоприятных для себя изменений. Важную роль сыграл, несомненно, фактор географической близости Кубы к США, что обуславливает его особое значение даже для такой мощной державы, как Соединенные Штаты. Интересно отметить, что в одном из своих выступлений тогдашний президент США имплицитно оправдывая подобную политику вынужден был даже публично солгать, заявив что США не признают правительство Кастро. Политика Турции в вопросе дипломатических отношений с Арменией оказывается, по нашему мнению, наиболее близкой именно к политике США в отношении к Кубе, имея, однако, существенное отличие от последней; а именно, она с самого начала отказалась установить с Арменией дипломатические отношения, обусловив их установление рядом предварительных условий, касающихся других пунктов повестки дня в отношениях между этими двумя государствам, по которым ей не удалось добиться удовлетворяющих ее уступок со стороны Армении. Подобный подход турецкой стороны основывался на убеждении, что Армения, как “новое государство”, к тому же, не имеющая выхода к морю, находящаяся в состоянии военного конфликта с Азербайджаном и испытывающая значительные экономические трудности, больше ее заинтересована в установлении дипломатических отношений. Таким образом, можно утверждать, что Турция, фактически, использовала свое возможное согласие на установление дипломатических отношений с Арменией в качестве “средства влияния” в понимании исследователя проблем международного влияния (influence) Джеймса Дэвиса⁸. Однако до сих пор, по прошествии почти десяти лет, дипломатические отношения между Турцией и Арменией не установлены. Это означает, значительные расхождения между ними остаются, и Турции не удалось добиться от Армении существенных уступок, то есть вовлечь ее в сферу своего влияния.

В более широком смысле, отношения между Турцией и Арменией представляют определенный научный интерес также с точки зрения дальнейшего развития теории межгосударственных двусто-

ронных отношений, которая в условиях усиления в последние годы влияния неолиберальных и мондиалистических теорий оказалась на периферии интереса исследователей. Между тем анализ армяно—турецких отношений в контексте такого фундаментального понятия этой теории, как мощь ("power") государства и способы ее реализации, или концепция принуждения мог бы способствовать ее дальнейшему развитию.

Обратимся к конкретному примеру. В последние годы ряд исследователей пришли к выводу, что в наши дни в дипломатической практике возросло значение повестки дня ("agenda") как двусторонних, так и многосторонних международных отношений, исходя из чего и подчеркивают необходимость ее более пристального изучения⁹. Однако конкретные способы формирования повестки дня остаются малоисследованными. Обращение к опыту армяно—турецких отношений и в этом случае снабжает нас интересным материалом для анализа. Так, оказывается, еще до краха СССР и создания независимого армянского государства стороны вступили в борьбу за формирование повестки дня двусторонних межгосударственных отношений. Об этом свидетельствует визит посла Турции в Москве В. Вурала в Ереван в апреле 1991 года и его переговоры с руководством республики, в ходе которых обнаружились отличия сторон в подходах к формированию повестки дня. Если армянская сторона стремилась сконцентрировать повестку дня двусторонних отношений на вопросах экономического характера, то посла Вурала интересовали прежде всего вопросы, связанные проблемой геноцида армян и армяно—турецкой границей, а также проблема урегулирования Карабахского конфликта и лишь в последнюю очередь — вопросы торгово—экономического характера. Турции тогда удалось навязать свою интерпретацию повестки дня, а после того, когда она, признав в конце 1991 года независимость Армении, отказалась установить с ней дипломатические отношения, форсированно в нее вошел новый пункт: об установлении дипломатических отношений. В 1992—1993 годах в иерархии ее пунктов опять—таки под давлением Турции произошли изменения, в результате которых проблема урегулирования Карабахского конфликта выдвинулась на первое место. Борьба за повестку дня закончилась в 1993 году, когда после потери Азербайджаном Кельбаджара Турция окончательно закрыла свою границу с Арменией, вынудив тем самым армянскую сторону согласиться с заменой торгово—экономического пункта повестки дня на вопрос об открытии Турцией границы с Арменией. В течение последующих лет вплоть до сегодняшнего дня (сентябрь 2002 года) повестка дня армяно—турецких отношений не претерпела сущностных

изменений, лишь новое руководство Армении, пришедшее к власти в 1998 году, сконцентрировав свое внимание на проблеме признания геноцида армян, добилось изменений в иерархии пунктов повестки дня.

Сказанное выше о борьбе за повестку дня армяно-турецких отношений не оставляет сомнений в том, что мы имеем интересный случай с точки зрения более детального изучения проблемы формирования повестки дня двусторонних межгосударственных отношений. В частности, стремление Турции установить свой контроль над формированием повестки дня в межгосударственных отношениях с Арменией свидетельствует о ее стремлении расширить поле применения (domain) своей мощи (power) за счет включения в нее и повестки дня. Такая интерпретация политики Турции основывается на определении мощи государства как способности контролировать других, глубоко разработанном Джоном Ротгебом¹⁰.

Вместе с тем, изменение в иерархии вопросов повестки дня, произошедшее в 1998 в результате изменения в политике Армении в вопросе признания факта геноцида армян, показывает, что и более слабое государство, в данном случае — Армения, имеет возможность не только противостоять более сильному и игнорировать его требования, но и добиваться определенного преимущества в дипломатическом противостоянии, особенно, когда это касается вопросов, корнящихся в глубинах коллективного сознания и исторической памяти. К сходным результатам пришла группа американских специалистов, исследующих предпосылки и условия достижения успеха при использовании угроз, главным образом, военного характера¹¹.

Заключая, попытаемся очень кратко интерпретировать армяно-турецкие отношения применяя отмеченные нами выше новые разработки в теории международных отношений. Они характеризуются как "неконвенциональные", для которых большое значение имеет определение повестки дня межгосударственных отношений. На формирование такой парадигмы отношений решающее влияние оказал "операционный код", разработанный дипломатией Турции в отношении Армении, который характеризуется использованием ряда не вполне традиционных методов принуждения (coercion).

По приблизительной оценке Калеви Холсти более 90% отношений между государствами базируется на политике "простого убеждения" (persuasion)¹². Таким образом, армяно-турецкие межгосударственные отношения последнего десятилетия относятся к такому типу отношений, который составляет лишь менее 10% всего современного международного "траффика", именно по этой причине обращение к их опыту и дальнейшая генерализация могут спо-

способствовать уточнению некоторых концепций и понятий, применяемых в наши дни для изучения международных отношений.

ROUBEN SAFRASYAN

**THE IMPORTANCE OF THE STUDY OF ARMENIAN-TURKISH
RELATIONS FOR THE THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS:
PRELIMINARY REMARKS**

The article is the first attempt to consider Armenian-Turkish interstate relations from the point of view of the modern theory of international relations. This approach stems from the author's following main thesis: above mentioned relations have some characteristic peculiarities and can serve as special case for the further generalizing.

The most important from these peculiarities is the refusing by Turkey to establish diplomatic relations with Armenia after recognition his as an independent and sovereign state. This aspect of Turkish policy towards Armenia is analyzing as interesting case for the further development such fields of modern theory of international relations as the study of unconventional diplomacy as well as the methods of pursuing power and expanding domains of influence.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. G. R. Berrdge, Talking to the Enemy: How States without 'Diplomatic Relations' Communicate. New York, 1994.
2. Ibid., p. XVI.
3. Ibid., p. 1.
4. Ibid., p. 3.
5. Термин был введен в практику международных исследований Александром Джорджем, который применял его для характеристики индивидуальных полисмейкеров. См.: A. George, The 'Operational Code': A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making. – International Studies Quarterly, 1969, 13: 2 (June), p. 190–222.
6. Термин "новая дипломатия" применяется нами в соответствии с подходом, разработанным Сассоном Софером. См.: Sasson Sofer, Debate Revisted: Practice Over Theory? – In: The Theory and Practice of International Relations. Eight Edition. Edited by: William Clinton Olson, Englewood Cliffs (New Jersey), 1991, p. 65–78.
7. См. об этом: C. Warbrick, The New British Policy on Recognition of Governments, International and Comparative Law Quarterly, 1981, Vol. 30, p. 569.
8. James W. Davis, Jr., Threats and Promises: The Pursuit of International Influence. Baltimore and London, 2000, p. 10–25.

9. См., например, следующие работы: Robert O. Keohane and Joseph S. Nye, *Complex Interdependence and the Role of Force*. – In: *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*. Fifth Edition. Edited by: Robert J. Art, Robert Jervis, New York, 2000, pp. 241–242; Chris Brown, *Understanding International Relations*. New York, 1997, pp. 228–230.
10. John M. Rothgeb, Jr., *Defining Power: Influence and Force in the Contemporary International System*. New York, 1991, p. 27–36.
11. См. об этом в книге: Peter Karsten, Peter D. Howell, and A. F. Allen, *Military Threats: A Systematic Historical Analysis of the Determinants of Success*. Westport, Connecticut, 1984.
12. K. J. Holsti, *International Politics: A Framework for Analysis*. Sixth Edition, Englewood Cliffs, 1992, p. 126.